

ПАРВАЗ САЛИМОВ

Подходы России к урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве

Рассматривая подходы России к урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве, отметим, что при распаде Советского Союза границы между новыми государствами, как и сама государственность новых образований, были признаны легитимными далеко не всеми. Именно отсюда берут свое начало и вооруженные конфликты, и латентные пограничные противостояния, которые существуют практически между всеми странами постсоветского пространства.

За двадцать с лишним лет, прошедших с момента распада СССР, на его бывшей территории произошло восемь вооруженных конфликтов, не считая разворачивающуюся в наши дни украинскую драму. Все эти конфликты привели к многочисленным человеческим жертвам и миллионам беженцев, разрушению экономической инфраструктуры и человеческих контактов. Из пятнадцати бывших братских республик СССР у четырех нет дипломатических отношений: у Армении и Азербайджана, России и Грузии. На повестке дня стоит перспектива прекращения дипломатических отношений между Москвой и Киевом. В этой связи необходимо остановиться на анализе аспектов российского участия в урегулировании тех или иных противостояний на постсоветском пространстве. При наличии тех или иных конфликтов с участием новых независимых государств, в урегулировании которых заметно российское присутствие, целесообразным представляется выделение нескольких «взрывоопасных» регионов.

Одним из них является Южный Кавказ, который включает в себя три независимые страны: Азербайджан, Армению и Грузию. Большинство вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве имели место именно в Кавказском регионе. Это – армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты. Примечательно, что до сих пор ни один из межэтнических конфликтов в регионе не урегулирован до конца. Можно согласиться с тем, что конфликтное урегулирование в Карабахе, Южной Осетии, Абхазии так и не стало необратимым процессом [Маркедонов, 2010. С. 40].

Начиная с 2004 года, стало возможно говорить о «размораживании» отдельных конфликтов в регионе Южного Кавказа, то есть активных попытках изменить сложившийся баланс сил и правовой статус-кво с использованием силы. Это, в свою очередь, привело к двум военным столкновениям в Южной Осетии (август 2004 года и так называемая «пятидневная война» августа 2008 года), эскалации насилия в Абхазии (в 2006–2008 годах).

Касательно роли России в урегулировании этих конфликтов, стоит отметить, что в августе 2008 года многолетнее грузино-осетинское противостояние вылилось в «пятидневную войну». За предшествующие 17 лет это было третье вооруженное противоборство между Грузией и Республикой Южная Осетия, де-юре признаваемой, в том числе и Российской Федерацией до 26 августа 2008 года, частью грузинского государства. Однако этот конфликт имел качественное отличие от всех предыдущих: в нем напрямую участвовали Вооруженные силы Российской Федерации. Москва оценила этот шаг как «операцию по принуждению Грузии к миру», призванную спасти осетинский народ от масштабной «гуманитарной катастрофы». При этом Россия в полной мере воспользовалась западной практикой «интернационализации внутригосударственных конфликтов», первые прецеденты которой были созданы на Балканах в 1990-е годы.

Стоит отметить, что переломной точкой перехода от эксклюзивной роли России, как гаранта мира в регионе, к непосредственному участию своими Вооруженными силами в конфликте стали события предшествующего августу 2008 года периода. «Революция роз» в Грузии

ПАРВАЗ САЛИМОВ, преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: parvazsal@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается одна из насущных проблем современности – процесс этнического самоопределения. Запущенный с распадом СССР, он сопровождается большим количеством конфликтов. Одни из них перешли в вооруженную стадию, другие ограничились столкновениями или напряженностью в отношениях. Но однозначно можно говорить о том, что самые ожесточенные конфликты конца XX – начала XXI веков в Европе пришлись на Балканы и постсоветское пространство. Автором были проанализированы конфликты на Южном Кавказе и в Центральной Азии, молдавско–приднестровский конфликт, а также развивающийся в настоящий момент конфликт на Украине. Рассмотрена эволюция подходов России к урегулированию данных конфликтов и особенности ее вовлеченности.

Ключевые слова: постсоветское пространство, межэтнические конфликты, самоопределение, миротворчество.

(октябрь–ноябрь 2003 года) и победа на президентских выборах (97% голосов) Михаила Николозовича Саакашвили развернули политику Грузии в сторону воссоздания единой Грузии и реванша за «национальные унижения» в Южной Осетии и Абхазии. 31 мая 2004 года, без согласования действий со Смешанной контрольной комиссией, под предлогом борьбы с контрабандой на территорию Южной Осетии были введены силы спецназа МВД Грузии (300 человек). А уже 20 июля 2004 года президент Грузии публично заявил, что не исключает возможности денонсации Дагомысских соглашений: «Если в рамках соглашений на территории Цхинвальского района нельзя поднимать грузинский флаг, я готов выйти из этих соглашений»[1].

По сути, этим заявлением М.Н. Саакашвили продемонстрировал свое стремление к следующим целям: интернационализация грузино-осетинского конфликта с подключением к его урегулированию США и ЕС; переформатирование конфликта из грузино-осетинского в грузино-российский и соответствующая подача его как стремление России к неоимпериализму; отказ от миротворческой роли России в регионе.

Именно в контексте реализации этих целей грузинской стороной в 2004 году было «разморожено» хрупкое равновесие в Южной Осетии и запущен «конфликт низкой интенсивности». И если до 2004 года Россия явно стремилась к объективности и нейтралитету, сохранению статус-кво как оптимального выхода, то после 2004 года, понимая тесную взаимосвязь ситуации в Южной Осетии с безопасностью российского Северного Кавказа, а также «особых отношений» Грузии с США и НАТО, Россия окончательно становится на сторону непризнанной республики.

Таким образом, можно согласиться с тем, что военно-политическая авантюра М.Н. Саакашвили и прямое вмешательство России в грузино-осетинский конфликт были подготовлены всей логикой предшествующего периода [Александров, 2010. С. 340–341].

Россия признала независимость Южной Осетии 26 августа 2008 года, а уже 17 сентября того же года был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Южной Осетией (ратификация в Государственной Думе прошла 29 октября 2008 года). Затем 24 октября был назначен посол Российской Федерации в Цхинвали, а в начале 2009 года институт полномочного представителя президента Южной Осетии в России трансформировался в посольство.

При этом кроме России и с известными оговорками Никарагуа, Венесуэлы и Науру, независимость Южной Осетии никто не признал. Несмотря на созданный Западом «косовский прецедент», на сегодняшний день США, страны ЕС, ООН, ОБСЕ, Совет Европы, ПАСЕ и НАТО продолжают рассматривать Южную Осетию как часть «единой и неделимой» Грузии.

Переходя к анализу эволюции роли России в урегулировании грузино-абхазского конфликта, стоит отметить, что население Абхазии связывало свои надежды на этнонациональное самоопределение с «российским фактором» задолго до конфликта 2008 года [Нодия, 1998; Маркедонов, 2005].

Обострение «абхазского вопроса» в новейшей истории произошло с началом горбачевской перестройки на фоне стремления Грузии к национальному самоопределению. В отличие от Южной Осетии, конфликт в Абхазии начинался не с исторического и идеологического обоснования взаимных этнических претензий, а в качестве спора о правомерности/неправомерности вхождения Абхазии в состав Грузии и юридической обоснованности их национального самоопределения. Но в середине 1992 года этот правовой спор перерос в военное столкновение. К осени 1993 года Грузия потерпела военное поражение и фактически потеряла свой контроль над большей частью абхазской территории. Только «Абхазская Сванетия» (Кодорское ущелье) оставалось до августа 2008 года вне контроля Сухуми.

Начиная с 1994 года, Россия активно подключилась к урегулированию грузино-абхазского конфликта. Так, 14 мая 1994 года конфликтующие стороны при участии России подписали Московское соглашение о прекращении огня и разделении сил. В июле того же года началась миротворческая операция российских сил на территории Абхазии. Так как данная операция осуществлялась по мандату Совета глав государств СНГ, изначально предполагалось участие, помимо российских воинских частей, контингентов других стран – членов Содружества. Однако вплоть до фактического завершения данной миротворческой операции в августе 2008 года она совершалась исключительно силами миротворческого контингента России. При этом миротворцы были размещены в «зоне безопасности» на двенадцатикилометровой территории по обе стороны реки Ингури, в Гальском районе Абхазии и Зугдидском районе Грузии. 21 июля 1994 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 937 по поводу определения формата Миссии Организации по наблюдению в Грузии (МООНГ). Мандат МООНГ строился на основе Московских соглашений. В данной резолюции была подчеркнута «ключевая важность прогресса на переговорах под эгидой ООН и при помощи России, как посредника»[2].

Следует отметить, что на фоне проведения официальной международной миротворческой миссии на территории Абхазии Россия предпринимала самостоятельные попытки разрешения грузино-абхазского конфликта. Так, с конца 1994 года неофициально и с 1996 года официально Россия совместно с Грузией фактически инициировала введение жестких социально-экономических санкций в отношении Абхазии. Такая политика обосновывалась стремлением России не допустить эскалации чеченского сепаратизма на фоне грузино-абхазских противоречий [Маркедонов, 2010. С. 59]. Но так или иначе вплоть до «революции роз» в Грузии Россия поддерживала намерения Тбилиси в его конфликте с Сухуми по восстановлению территориальной целостности Грузии.

1 См.: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3911000/3911101.stm

2 См.: http://www.unomig.org

В марте 2003 года президенты Российской Федерации и Грузии В.В. Путин и Э.А. Шеварднадзе подписали Сочинские соглашения, предполагающие создание трех рабочих групп: по возвращению беженцев первоначально в Гальский район; восстановлению железнодорожного сообщения Сочи–Тбилиси через Абхазию; обновлению Ингури ГЭС. Но уже в мае 2004 года новый президент Грузии М.Н. Саакашвили заявил: «Мы вернем Абхазию в мой президентский срок»[3].

С этого времени переговорный процесс стал неуклонно идти на спад, стремясь к полному прекращению. На этом фоне в 2007–2008 годах грузинские власти предприняли целую серию военно-политических провокаций в Абхазии, демонстративно нарушая Московские соглашения 1994 года. В свою очередь, Россия в конце мая 2008 года ввела на территорию Абхазии подразделения железнодорожных войск, не предусмотренных первоначальными соглашениями, и начала уничтожать грузинские беспилотники над Абхазией. Во время военных действий в Южной Осетии 9 августа 2008 года абхазские вооруженные формирования фактически открыли «второй фронт» и, не встречая жесткого сопротивления грузинской стороны, взяли под контроль стратегически важное Кодорское ущелье. 26 августа 2008 года Российская Федерация признала независимость Абхазии, а 30 августа 2008 года Грузия вышла из Московских соглашений 1994 года.

Наряду с Российской Федерацией с известными оговорками независимость Абхазии получила признание со стороны Никарагуа. США, ЕС и его отдельные государства, ООН, ОБСЕ, НАТО и Совет Европы независимость Абхазии не признают и по сей день.

Таким образом, Россия из медиатора и миротворца окончательно (не только де-факто, но и де-юре) превратилась в гаранта самоопределения двух бывших автономий Грузинской ССР.

В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: может ли дипломатическое признание суверенитета отдельного государства, некогда бывшего частью более крупного государственного образования, стать общемировой практикой, со временем получившей характер нормы и являющейся панацеей для решения локальных этнополитических противоборств? Иначе говоря, как найти баланс между принципом права наций на самоопределение и территориальной целостностью государства? Несмотря на большое количество исследований данной проблематики, однозначного ответа на этот вопрос не найдено и по сей день [Вершинина, 2008]. Со своей стороны, смеем утверждать, что «косовский прецедент», созданный в свое время Западом, так и не стал панацеей для решения подобного рода этнополитических споров. Зачастую судьба тех или иных народов, особенно веками проживающих на евразийском континенте, зависит от возможности нахождения статус-кво между крупными геополитическими субъектами – суть великими державами. В данном контексте грузино-осетинское противостояние, равно как и конфликт Грузии и Абхазии, являются одним из этапов геополитической большой игры между Россией и англосаксонским Западом. Очевидно, что современная, не признаваемая большинством мирового сообщества независимость Абхазии и Южной Осетии на данном этапе устраивает прежде всего Россию и США. Но хрупкий баланс интересов в регионе Южного Кавказа в условиях гипотетического ослабления одного из крупных игроков – США или России – может быть нарушен. Во всяком случае, в современном мире, где не прекращается геополитическая борьба за сферы влияния в Евразии, подобная практика не может служить неким эталоном для локальных этнополитических конфликтов. Самоопределение отдельных народов реализуется или не реализуется на практике, в зависимости от глобальных интересов великих держав.

Рассматривая роль России в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе необходимо также коснуться армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха. Данное противостояние в свое время стало одним из первых на территории бывшего СССР. За прошедшие после 1991 года двадцать с лишним лет конфликт вокруг Нагорного Карабаха (небольшая территория Южного Кавказа общей площадью всего 4,4 тыс. кв. километров) трансформировался из межобщинного и межреспубликанского противостояния в рамках СССР в затяжной международный конфликт с большим числом международных посредников и весьма туманными перспективами на окончательное урегулирование.

В отличие от грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов, армяно-азербайджанское противостояние изначально стартовало не только как политико-правовой спор, но и как вооруженная акция. Так, первый крупный митинг с требованием о присоединении Нагорно-Карабахской автономной области к Армении состоялся в Степанакерте 13 февраля 1988 года, а уже 22 февраля этого же года у поселка Аскеран произошло столкновение с использованием огнестрельного оружия.

В отличие от других вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, в Нагорном Карабахе и соседних с ним территориях нет миротворцев. Соглашение о прекращении огня держится на установившемся в 1994 году своеобразном балансе сил[4].

Начиная с декабря 1994 года, когда Будапештский саммит ОБСЕ подтвердил мандат Минской группы посредников как структуры, занимающейся переговорным процессом и поиском мирного разрешения, не прекращается активный поиск формулы мирного урегулирования.

С учетом важности, как Армении, так и Азербайджана, для стратегических интересов России на Южном Кавказе, Российская Федерация взвешенно подходит к своей роли дипломатического посредника в переговорном процессе между Баку и Ереваном, не ставя под сомнение территориальную целостность Азербайджана.

3 См.: http://top.rbc.ru/politcs/26/05/2004/52202.shtml

4 Соглашение о бессрочном прекращении огня было подписано министрами обороны Армении, Азербайджана и НКР и вступило в силу в полночь 12 мая 1994 года.

Примером такого дипломатического посредничества России может служить подписание 2 ноября 2008 года президентами Армении, Азербайджана и Российской Федерации Московской декларации по Нагорному Карабаху, состоящей из пяти пунктов. Данный документ подтвердил готовность президентов работать над поиском решения конфликта исключительно политическими методами[5]. Между тем следует отметить, что каждый новый раунд переговоров и встреч президентов или министров иностранных дел Азербайджана и Армении перемежается милитаристской риторикой.

Еще одним конфликтогенным субрегионом постсветского пространства является Центральная Азия: проблемы узбекско-таджикских, казахстано-узбекских отношений, ситуация на юге Киргизии, рост исламского радикализма, а также серия межэтнических столкновений с использованием силы в начале 1990-х годов. Тем не менее, в отличие от Южного Кавказа, республики Центральной Азии сохраняют высокую устойчивость своих государственных и политических систем. Пожалуй, единственным исключением из этого правила стал Таджикистан, где переход к независимости оказался сопряженным с пятилетней гражданской войной (1992–1997 годы). Следствием гражданской войны в этой республике стало огромное количество жертв (по неофициальным данным эта цифра колеблется в пределах от 150 тыс. человек до 300 тыс. человек), а также большое количество беженцев (порядка 1 млн человек) и архаизация политической и социально-экономической жизни [Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию, 2006. С. 104].

Касаясь роли России в урегулировании гражданской войны в Таджикистане, следует отметить, что Москва сыграла весомую военно-политическую роль в поддержке светской власти в Таджикистане, обеспечении безопасности границ этой республики, а на завершающем этапе гражданской войны выполняла эффективную посредническую миссию. Именно в Москве представители Объединенной таджикской оппозиции, воевавшей с Народным фронтом во главе с ныне действующим президентом Эмомали Рахмоновым, подписали соглашение о мире в Таджикистане.

Еще одним конфликтом на постсоветском пространстве, в котором была востребована роль России в процессе его урегулирования, является молдавско-приднестровский конфликт. Он заключается в противостоянии между признанной мировым сообществом Республикой Молдова и де-факто государством Приднестровская Молдавская Республика, которая контролирует главным образом левобережье Днестра (Тирасполь; Каменский, Рыбницкий, Дубоссарский, Григориопольский, Слободзейский районы) и большую часть правобережного города Бендеры. Начало этого конфликта восходит к периоду горбачевской перестройки (был начат как внутриреспубликанский в рамках Молдавской ССР). После обретения независимости Молдовой перерос в вооруженное противоборство в 1992 году и до сегодняшнего дня не получил своего политического разрешения.

Главными причинами конфликта были: советская политика «конструирования» этнотерриториальных образований, а также форсированное самоопределение республиканских элит советской Молдавии в период «перестройки» [Журавлев, С. 161–162].

Начиная с 1992 года, когда молдавско-приднестровский конфликт перерос в вооруженное противостояние, Россия наряду с помощью, которую оказывали Приднестровской Молдавской республике российские добровольцы и военнослужащие 14-й армии, у многих из которых в Приднестровье были семьи (тогда и впоследствии это дало повод говорить о «руке Кремля» в эскалации конфликта), включилась в процесс мирного урегулирования конфликта. 21 июля 1992 года в Москве Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным и Президентом Республики Молдова М.И. Снегуром в присутствии лидера Приднестровской Молдавской Республики И.Н. Смирнова было подписано соглашение «О принципах урегулирования вооруженного конфликта».

В июле 1992 года в зону вооруженного конфликта вводятся миротворцы, а для наблюдения за выполнением условий мира создается Объединенная контрольная комиссия (ОКК) в составе Молдовы, Российской Федерации и Приднестровской Молдавской Республики (в ее работе также будут участвовать представители Украины и ОБСЕ). Начиная с 1994 года, между Молдовой и Приднестровской Молдавской Республикой был подписан целый комплекс документов, определяющих неприменение силы и нормализацию отношений между двумя берегами Днестра. После подписания 8 мая 1997 года в Москве Меморандума «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» Россия наряду с Украиной стали гарантами мира и безопасности в зоне конфликта. Впоследствии Москва несколько раз будет выступать с мирными инициативами в отношении урегулирования молдавско-приднестровского конфликта, хотя предложенные формулы и будут в итоге отвергаться противоборствующими сторонами.

К важным внешним факторам развития политического и переговорного процесса в Приднестровской Молдавской Республике необходимо отнести влияние на него политической обстановки у ближайших соседей – Молдавии и особенно Украины. К сожалению, и первая, и вторая отличаются наличием в их политическом поле элементов социально-экономического и политического кризисов.

Нестабильность в политической элите Молдавии, наглядно проявившаяся с конца 2010 года на фоне досрочных парламентских выборов, очевидно, будет затруднять ход переговорного процесса между Кишиневом и Тирасполем [Осипова, 2011. С. 150].

Украина – единственное государство-гарант, которое имеет границы с непризнанной Приднестровской Молдавской республикой, на фоне событий 2014 года играет скорее дестабилизирующую, нежели гарантийную роль в этом конфликте.

5 См.: http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/11/208670.shtml

Так, на фоне неуклонной эскалации политического кризиса на Украине и признания Россией независимости Крыма в марте 2014 года с последующим вхождением полуострова в состав Российской Федерации на правах одного из ее субъектов, спикер парламента Приднестровья М.П. Бурла обратился к председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкину с просьбой о присоединении этого региона к Российской Федерации.

Эксперты отмечают, что современную политическую ситуацию на Украине проецируют на свою страну политики и обычные граждане как в Молдавии, так и в Приднестровье. При этом анализ перспектив реализации «крымского сценария» для данного региона со стороны экспертного сообщества допускает как присоединение Приднестровской Молдавской Республики к России, так и невозможность реализации подобного сценария, ввиду отсутствия как общих сухопутных границ с Россией, так и морских путей сообщения. Со своей стороны отметим, что в конечном итоге будущий статус Приднестровской Молдавской Республики будет решаться отнюдь не в плоскости переговоров Кишинева и Тирасполя, и даже не в рамках переговорного процесса под эгидой ОБСЕ или иных европейских многосторонних структур. Он вполне может стать предметом политического торга в глобальном противостоянии России и США на фоне украинского кризиса.

Можно согласиться с тем, что, к сожалению, отсутствие официального признания делает внутреннюю и внешнюю политику Приднестровской Молдавской Республики весьма уязвимой и подверженной влиянию как внешних, так и внутренних, связанных с трудностями социально-экономического и политического развития факторов [Осипова, 2011. С. 151].

После распада Советского Союза в 1991 году «место независимой Украины в системе региональной и глобальной безопасности трудно недооценить» [Маркедонов, 2010. С. 109]. По справедливому замечанию американского политолога Б.Р. Поузена, Украина «обладает достаточным населением, промышленностью и сырьевыми ресурсами, чтобы претендовать на статус независимой державы среднего масштаба» [Поузен, 1996. С.85]. Украина – часть Черноморского региона, являющегося, в свою очередь, частью так называемых «евразийских Балкан», пояса нестабильности [Бжезинский, 1999. С. 149–151]. Наконец, являясь крупнейшим соседом Российской Федерации в Европе, Украина оказалась в эпицентре своеобразного водораздела между совокупным Западом (США, НАТО, ЕС) и Россией.

Появление независимой Украины в 1991 году создало парадоксальную ситуацию: с одной стороны, появилось новое суверенное государство, а с другой – отсутствие четкой самоидентификации у его населения. Данную ситуацию в свое время тонко уловил историк и политолог А.И. Миллер: «Украина и после обретения независимости продолжает оставаться «национализирующимся государством», то есть таким образованием, которое возникло после распада крупного многоэтничного государства под лозунгом самоопределения украинской этнокультурной общности, но само обладающее этнически и культурно неоднородным населением. Такие государства переживают период поиска стабильности как результата компромисса между этнической и гражданской концепциями государства и нации [Миллер, 1997].

Столь непростой и противоречивый опыт приобретения независимости во многом предопределил отношения между Украиной и Россией, а также отношение официального Киева к отдельным регионам украинского государства, большинство из которых составляют этнические русские. В этой связи можно утверждать, что вопросы внутренней политики, особенно в кризисной ситуации, неминуемо трансформируются в вопросы внешнеполитических отношений с Россией. Данная трансформация особенно хорошо просматривается на фоне событий 2013–2014 годов, когда часть украинского населения традиционно тяготеет к ЕС, а другая часть ратует за интеграцию с Россией. В такой ситуации превращение внутренней политики в политику внешнюю неизбежно. При этом зачастую местная элита «проблемных» для украинского государства регионов ратует за такую трансформацию.

До последнего времени наиболее конфликтной в российско-украинских отношениях была проблема Крыма. Можно согласиться с тем, что эта проблема не сводима только к межгосударственным отношениям. Проблема Крыма – это своеобразный тест на государственную целостность и состоятельность украинской государственности и избранную Киевом модель национально-государственного строительства [Маркедонов, 2010. С. 110].

Подводя некоторый итог анализу подходов России к урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве, следует еще раз сделать акцент на следующих моментах.

Во-первых, в ближайшие годы очень трудно ожидать мирного политического урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве. Данное утверждение касается как вооруженных, так и латентных противостояний. На протяжении более чем двадцати лет, прошедших с момента распада СССР, армяне и азербайджанцы, осетины и грузины, абхазы и грузины, молдаване и жители Приднестровья, русские и украинцы отдалялись друг от друга. При этом абсолютно во всех конфликтных обществах противостояние стало фундаментом для легитимизации их независимости и государственности. Так, формирование украинской нации, учитывая родственную близость с русскими, может состояться только на антирусской основе.

Во-вторых, процесс этнического самоопределения, запущенный с распадом СССР, нельзя считать завершенным до урегулирования этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве. Соответственно, до завершения этого процесса невозможно говорить о постсоветских странах как состоявшихся государствах, обладающих реальной независимостью.

В-третьих, учитывая системообразующую роль России на постсоветском пространстве, российская политика не может (даже если очень хочет!) уйти от участия в урегулировании тех или иных конфликтов. На сегодняшний день спектр российского участия в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве

варьируется от посредничества и миротворчества, до проведения силовой операции и юридического гарантирования самоопределения.

И, наконец, в-четвертых, важная проблема конфликтного урегулирования – внешнее вмешательство. В этой связи необходимо учитывать все подводные камни сложившейся в 1990-е годы практики интернационализации внутригосударственных конфликтов, равно как и «косовского прецедента».

Так или иначе, иногда у России, несмотря на традиционный подход к конфликтному урегулированию в рамках формулы «возможно все, кроме войны», объективно создается очень узкий коридор возможностей для исключения силы из процесса урегулирования. И далеко не последнюю роль в данной ситуации играет фактор внешнего давления на постсоветское пространство.

Литература

Маркедонов С.М. Турбулентная Евразия. М., 2010.

Александров М.В. Битва за Кавказ 2004–2008. Институт стран СНГ в борьбе за национальные интересы России на Южном Кавказе. М., 2010.

Нодия Г. Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обязательства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.

Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политических процессах Кавказского региона. М., 2005.

Вершинина М.И. Особенности межгосударственного сотрудничества по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве. М., 2008.

Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991–2006). М.: Центр стратегических и политических исследований. 2006.

Журавлев В.Е. Легитимность Приднестровской Молдавской республики как международно-правовой факт // Политические процессы в новых независимых государствах. Материалы круглого стола. М., 2011.

Осипова С.А. Влияние внутри- и внешне-политических факторов на развитие современных политических процессов в Приднестровской Молдавской республике // Политические процессы в новых независимых государствах. Материалы круглого стола. М., 2011.

Поузен Б.Р. Концепция обороны для Украины // Украина: проблемы безопасности. Вып. 12. М.: Научные доклады Московского Центра Карнеги. 1996.

Бжезинский З.К. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1999.

Миллер А.И. Украина как национализирующееся государство // Pro et contra. Т.2. Вып. 2. 1997.

THE APPROACHES TO CONFLICT RESOLUTION IN THE POST-SOVIET SPACE

PARVAZ SALIMOV, lecturer at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadskogo Prospect, Moscow 119571). E-mail: parvazsal@gmail.com

Summary: The article considers one of the pressing issues of our time - the process of ethnic self-determination. A large number of conflicts precipitated the disintegration of the USSR. Some of these evolved into armed confrontations, others into limited armed conflicts or tensions. Clearly it can be said that the most violent conflicts of the late XX - early XXI centuries in Europe occurred in the Balkans and the post-Soviet environs. The author analyzes the conflicts in the South Caucasus and Central Asia, the Moldovan - Transnistrian conflict, as well as the current developing conflict in Ukraine. It considers the evolution of the approaches by Russia towards the settlement of these conflicts as well as its involvement.

Keywords: the post-Soviet environs, ethnic conflicts, self-determination, peace.

References

Markedonov S.M. Turbulentnaya Evraziya [Turbulent Eurasia]. M., 2010.

Aleksandrov M.V. Bitva za Kavkaz 2004 – 2008. Institut stran SNG v bor'be za natsional'nye interesy Rossii na YUzhnom Kavkaze [Battle for the Caucasus 2004 - 2008 Institute of the CIS countries in the struggle for Russia's national interests in the South Caucasus]. M., 2010.

Nodiya G. Konflikt v Abkhazii: natsional'nye proekty i politicheskie obyazatel'stva [The conflict in Abkhazia: National Projects and commitments] // Gruziny i abkhazy. Put' k primireniyu. M., 1998.

Markedonov S.M. EHtnonatsional'nyj i religioznyj faktor v obshhestvenno-politicheskikh protsessakh Kavkazskogo regiona [The ethnonational and religious factor in the political processes of the Caucasus region]. M., 2005.

Vershinina M.I. Osobennosti mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva po uregulirovaniyu konfliktov na postsovetskom prostranstve [Features of international cooperation for the settlement of conflicts in the post-Soviet environs] . M., 2008.

Pyatnadtsat' let, kotorye izmenili TSentral'nuyu Aziyu (1991 – 2006) [Fifteen years that changed Central Asia (1991 - 2006)]. M.: TSentr strategicheskikh i politicheskikh issledovanij. 2006.

Zhuravlev V.E. Legitimnost' Pridnestrovskoj Moldavskoj respubliki kak mezhdunarodno-pravovoj fakt [The legitimacy of the Transnistrian Moldovan Republic, an international legal fact] // Politicheskie protsessy v novykh nezavisimykh gosudarstvakh. Materialy kruglogo stola. M., 2011.

Osipova S.A. Vliyanie vnutri- i vneshne-politicheskikh faktorov na razvitie sovremennykh politicheskikh protsessov v Pridnestrovskoj Moldavskoj respublike [The influence of internal and external political factors on the development of modern political processes in the Dniester Moldavian Republic] // Politicheskie protsessy v novykh nezavisimykh gosudarstvakh. Materialy kruglogo stola. M., 2011.

Pouzen B.R. Kontseptsiya oborony dlya Ukrainy [Defense concept for Ukraine] // Ukraina: problemy bezopasnosti. Vyp. 12. M.: Nauchnye doklady Moskovskogo TSentra Karnegi. 1996.

Bzhezinskij Z.K. Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives]. M., 1999.

Miller A. I. Ukraina kak natsionaliziruyushheesya gosudarstvo [Ukraine as the nationalizing State] // Pro et contra. T.2. Vyp. 2. 1997.